

О. Ф. Задорожна

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР В РАСПРОСТРАНЕНИИ ПРОТЕСТАНТИЗМА В КИЕВСКОМ ВОЕВОДСТВЕ В XVI–XVII ВВ.

Социальная структура, пронизывающая каждое общество, является его визитной карточкой. Ее особенности определяли социальное поведение представителей конкретной группы. Нас будет интересовать прежде всего шляхетская социальная структура, поскольку именно в ее среде распространялись протестантские идеи.

Шляхетское сословие не было однородным. В его составе выделялось несколько групп, среди которых — князья, паны, земяне, шляхта, шляхта-голова, панцирные бояре. Начавшись с Виленского привилея 1447 г. и закончившись реформами 1560-х годов, юридическое оформление прав шляхетства так и не смогло преодолеть некую обособленность этих групп, закрепленную глубоко в основе тогдашних мировоззренческих представлений. Особенно много различий было в нижнем секторе сословия.

Часть боярства получила только пожизненное шляхетство (*замковые земяне*), часть осталась на прежнем положении *панцирных бояр*, хотя не исключалась возможность перспективы повышения их социального статуса путем службы влиятельным патронам и путем приобретения земли. Ведь именно привилегия свободно распоряжаться землей давала всю полноту прав, прежде всего политических. К тому же система земельных пожалований была серьезным подспорьем в формировании и стабилизации патронально-клиентарных связей¹.

Неоседлая *шляхта-голова* также усматривала единственную возможность повышения своего статуса в получении земельных держаний в обмен на службу патрону.

¹ См.: *Augustyniak U. Dwór i klientela Krzysztofa Radziwiłła (1585–1640): Mechanizmy patronatu. Warszawa, 2001. S. 68–69.*

Часто с подачи последнего такие люди получали низшие должности в судебном-административном аппарате воеводства. Таким образом, вхождение в местную шляхетскую корпорацию являлось настолько простым, насколько и сложным, — достаточно было обзавестись собственным имением.

На украинских землях не сложилась феодальная система западноевропейского типа, хотя некоторые ее элементы присутствовали. В целом же систему поземельных и личных отношений, функционировавших здесь, можно обозначить как *патронально-клиентарную*. Ее особенностью было наличие крупных магнатов (лишь формально зависимых от центральной власти и сумевших создать свои параллельные структуры), слабость средней прослойки шляхетского сословия и наличие огромного числа боярства. Именно последние были тем неистощимым источником слуг, из числа которых формировались параллельные магнатские силовые и хозяйственные структуры.

Одним из типов клиентарных связей была так называемая психология «осажденной крепости»². Такой тип связей характерен, в частности, для религиозных меньшинств. Предполагается, что в таких группах связи должны быть более тесными и менее обезличенными³. К тому же в основе самих патронально-клиентарных отношений лежали отношения, носящие личностный характер⁴. Клиенты одного патрона составляли единую коммуникативную сеть, нередко многоступенчатую, были связаны между собой отношениями подчиненности или приятельскими.

Государство как горизонтальная социальная структура при наличии слишком сильного шляхетского сословия не могло осуществлять в полной мере возлагаемые на него функции, в том числе контроль над духовной жизнью общества, в частности, его религиозными симпатиями. Воевода как представитель центральной власти в Киеве имел в своем распоряжении большие полномочия — административные, военные и судебные. Его позиции были значительно сильнее, чем у его коронных коллег⁵. Но, с другой стороны, имея родственные и патронально-клиентарные связи с местным шляхетством, он выступал как бы представителем местной традиции.

В отличие от Западной Европы, на украинских землях такая горизонтальная социальная структура, как город, не занимала обособленного положения по отношению к другим социальным структурам. Несмотря на заимствование разных систем городского права, самостоятельный статус городов оставался достаточно условным. Различные виды городского права достаточно быстро распространялись в больших и малых городах, в том числе и частновладельческих. Но городская жизнь в чистом виде почти нигде не присутствовала. Ее установление тормозилось полуаграрным характером городского хозяйства, связью горожан с крестьянами. Фактически горожане были такими же подданными, как и крестьяне, и выполняли тот же набор повинностей.

Горожане пограничных территорий, каковым является Киевское воеводство, обязаны были выполнять также военную повинность, и это их очень сближало с нижними слоями шляхетского сословия, а именно с *панцирным боярством*, что делало границу между городским и шляхетским сословиями достаточно условной и размытой. Перете-

² См.: Trevor-Reper H. R. Crisis of the Seventeenth Century Religion, the Reformation and Social Change. New York, 1968.

³ См.: Mączak A. Klientela: Nieformalne systemy władzy w Polsce i Europie XVI–XVIII w. Warszawa, 1994. S. 254.

⁴ См.: Augustyniak U. Op. cit. S. 9.

⁵ Urzędnicy województw Kijowskiego i Czernihowskiego XV–XVIII wieku: Spisy / Oprac. E. Janas, W. Klaczewski. Kórnik, 2002. S. 7; Крикун М. Г. Земські уряди на українських землях // ЗНТШ. 1994. Т. 228. С. 111–112.

кание же из шляхетства в мещанство и наоборот могло также происходить и на более высоком уровне обоих сословий.

Что же касается пополнения населения городов, то его источником были прежде всего крестьяне близлежащих деревень. Такая среда была малоконфликтной в плане этническом и религиозном. Но, в то же время, она консервировала установившийся образ жизни, замедляя таким образом развитие открытого поликонфессионального общества.

В то же время характер деятельности городского населения, необходимость соприкоснуться с приезжими из разных уголков континента, а нередко и путешествия самих горожан заставляли и приучали их к большему пониманию чужих обычаев в различных сферах жизни. Причем чем дальше человек направлялся, тем дольше он пребывал вне обычной для себя среды. Период пребывания вне дома мог растягиваться не на один месяц. И все это время он более или менее активно усваивал чужие обычаи, порой перенося их в повседневность свою и своего окружения. Чужое постепенно переставало восприниматься как враждебное.

Эволюция и состояние крестьянства в исследуемую эпоху являются наименее изученными. В XVI–XVII вв. это сословие уже пережило процесс ассимиляции в себе различных социальных групп, вошедших в его состав: вольных собственников земли, рабов, посаженных на землю, а также бояр. Эволюция сословия, шедшая в направлении полного распоряжения трудом, имуществом и личностью подданного, в Киевском воеводстве, как наименее заселенном, была очень медленной и чем ближе к опасным рубежам со Степью — тем меньше заметной.

Конец XVI – середина XVII вв. — период глобальной крестьянской миграции с запада на восток. В связи с этим можно было бы сделать достаточно рискованное предположение о вероятности прихода крестьян неправославных исповеданий, но нынешнее состояние источников не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию. Источники почти ничего не говорят о характере христианского вероисповедания поданных, более того, некоторые упоминания наталкивают нас на мысль о сохранении довольно сильного латентного язычества.

На украинских землях Короны и Великого княжества Литовского протестантские идеи распространялись исключительно в среде шляхетства и, в меньшей степени, мещанства. Здесь и впредь оставалась сильной магнатская группа, сложившаяся на рубеже XVI и XVII веков. Кроме того, она заметно отличалась от шляхетской группы по стилю жизни, политическим устремлениям, возможностям получения образования и т. п., что обуславливало различные причины приобщения к протестантизму⁶. Здесь не было такой сильной княжеской группы, как на Волыни, хотя частично волынские княжеские роды пытались распространить свое влияние и на Киевщину. Это касается прежде всего князей Острожских.

Одним из вероятных путей распространения новых конфессий было пребывание на службе у исповедующего новые религиозные взгляды. Отмечается, что распространение протестантизма в Киевском воеводстве обуславливалось благосклонным отношением шляхетства. Причем богатство определяло также временной отрезок, на протяжении которого род оставался приверженцем какого-либо реформационного учения⁷.

⁶ См.: *Liedke M.* Od prawosławia do katolicyzmu. Ruscy możni i szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec wyznań reformacyjnych. Białystok, 2004. S. 254–255.

⁷ См.: *Ibid.* S. 154–155.

Уже неоднократно указывалось, что доктрина и организационная структура Кальвинистской церкви наиболее подходили социальным и политическим устремлениям «старшей братии»⁸. В то же время для средней и мелкой шляхты более привлекательно выглядел антитринитаризм с его идеями социального равенства, имеющими прямой выход на доктрину «золотой шляхетской вольности».

На территорию Киевского воеводства протестантизм проник позже всего, что объясняется удаленностью региона от главных центров Реформации. Следует отметить, что особенностью распространения протестантских идей в исследуемом регионе был протекционизм, т. е. в условиях равнодушного или враждебного отношения к новой вере ее успешное развитие было возможно только при условии всесторонней поддержки влиятельного патрона. Таким образом, чем богаче был род и чем стабильнее была вера среди его представителей, тем дольше проповедники могли «ловить души заблудших» на подконтрольных роду территориях. Прежде чем попасть сюда, проповедники должны были заручиться поддержкой и рекомендациями либо самих киевских панов во время их пребывания вне пределов воеводства, либо их приятелей.

Среди влиятельных родов Киевского воеводства можно назвать исповедовавших протестантизм Горностаев и Немиричей. Выход из-под опеки князей Глинских и пребывание непосредственно под покровительством великого князя (в случае с Горностаевами) или под протекцией воеводы (Немиричи) позволило им достаточно быстро занять видное положение в местной администрации и сколотить солидное состояние. Пополнение земельного фонда и укрепление социальных позиций осуществлялось также за счет брачных отношений указанных родов. Так, в числе их партнеров были старинные княжеские роды Заславских, Четвертинских, Соломерецких, Сангушковых, Полубенских. Собственно, оба эти рода пребывали в родственных отношениях через князей Четвертинских и род Хребтовичей, а позже — Лещинских.

Род Горностаев происходил из киевского Полесья и издавна исповедовал православие. Карьеру, которая вывела их в ряды могущественных магнатов, они сделали при виленском дворе. Именно оттуда в начале XVII в. кальвинизм проник на киевские земли. То обстоятельство, что Горностаи пребывали преимущественно в литовских и белорусских владениях, стало причиной достаточно позднего возникновения общин в Киевском воеводстве. Первым протестантом в роду был Фридрих Оникеевич из Вильно. Правда, еще его дядя Иван Евстафиевич, во всяком случае, не препятствовал распространению новой веры. Ведь именно за период его воеводства в Новоградке здесь появляются первые очаги протестантизма. Активно исповедовали кальвинизм и покровительствовали ему в своих владениях двоюродный брат Фридриха Гавриил Иванович, а также его потомки: сын Иероним, внук Самуил и его дети. Время пребывания Гавриила на урядах минского и брестского воеводы совпало с наивысшим расцветом реформационного движения на этой территории.

Прослеживается вполне отчетливая тенденция в выборе брачных партнеров среди единоверцев. Ими были лютеране Тальвоши, кальвинисты Лаские, Лясоты, Горайские, Зборовские, Лещинские, Дрогоевские, Абрамовичи. Некоторые из них обзаводи-

⁸ См.: *Tazbir J.* 1) Общественные и территориальные сферы распространения польской Реформации // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1976. С. 114, 116–117; 2) *Spoleczeństwo wobec Reformacji // Tazbir J.* Reformacja w Polsce. Warszawa, 1993. S. 9.

лись земельной собственностью в Киевском воеводстве. Среди пришлых известных протестантских родов, которые имели владения на территории Киевского воеводства, следует также отметить представителей Фирлеев, Войнаровских, Казимирских, Пронских, Коховских.

Наряду с брачными отношениями проникновению протестантов на территорию Киевского воеводства способствовал институт опеки. В обязанность опекуна входило непереносное пребывание на месте, что тянуло за собой возможное перенесение постоянного местожительства в опекаемые земли. Именно таким образом покровительство Андрея и Рафала Лещинских над малолетними княжичами Юлиушем и Александром Пронскими повлекло за собой родственные связи с Горностаями и обзаведение собственностью в Киевском воеводстве⁹.

Благодаря этим связям лещинская и козаровичская общины во владениях Горностаев просуществовали до второй половины XVII в., потеряв окончательно всякую надежду на восстановление с конверсией Самуила-Крыштофа Дрогоевского. Непрерывному существованию общин благоприятствовал также выбор Горностаями арендаторов для своих владений. Так, до 1618 г. Козаровичи держал кальвинист Миколай Макарович, в 1640-е гг. ими владел клиент Горностаев Константин Ободенский.

Если говорить о Немиричах, то этот магнатский род впоследствии покровительствовал не только киевским антитринитариям, но также изгнанникам-единоверцам из других уголков страны. Так же, как и Горностаи, его представители служили князьям Глинским. В свое время Немира перешел на службу к великому гетману, князю Константину Ивановичу Острожскому. Связь Немиричей с домом Острожских прослеживается и в следующем поколении. Так, кажется вполне вероятным получение уряда земского киевского судьи Есифом Ивановичем Немиричем не без помощи тогдашнего воеводы князя Василия-Константина Острожского.

Довольно обширная клиентела и брачные связи Немиричей говорят об их взаимоотношениях с протестантскими родами. Стефан Андреевич Немирич был женат на Марте Войнаровской, также исповедующей антитринитаризм. Его дети тоже выбирали себе партнеров в среде диссидентов. Женой социнианина Николая Любинецкого была Елена, за антитринитария Павла-Крыштофа Сенюту вышла замуж Катерина, Стефан был женат на арианке Гризельде Вилямовне, Юрий взял себе в жены кальвинистку Елизавету-Изабеллу Слупецкую.

Род Войнаровских тоже числился среди клиентов князей Острожских — Стефан Войнаровский, брат Марты, был слугой Януша-Павла Острожского¹⁰. Позже Стефан Войнаровский занимал почетный уряд киевского ловчего (1637–1646). В получении этого уряда ему, безусловно, помогло своячество с Юрием Немиричем. У него же он купил Шершневскую волость и некоторые другие имения. Войнаровские были также в родстве с другим протестантским родом из Волыни — Чапличами-Шпановскими, в свою очередь родственниками Немиричей. Галшка Войнаровская была женой Адама Чаплича-Шпановского, покровителя антитринитарских общин в Милостове и Шпанове в Луцком повете¹¹.

⁹ См.: *Litwin H.* Napływ szlachty polskiej na Ukrainę, 1569–1648. Warszawa, 2000. S. 74.

¹⁰ См.: *Kus J.* «Wielkie, ale krótko trwałe oyczyzny nadzieje...»: Adam Konstanty i Janusz Paweł książęta Ostrogscy, wojewodzice wołyńscy // *Zeszyty Muzealne*. Jarosław, 1998. S. 117.

¹¹ См.: *Kossowski A.* Zarys dziejów protestantyzmu na Wołyniu w XVI–XVII w. // *Rocznik Wołyński*. 1934. T. 3. S. 253–254.

Таким образом, эти фамилии вместе с единоверными Сенютами образовывали мощный клан, способный не только защищать свои интересы, но также диктовать условия в регионе. Благодаря своему влиянию этот клан, используя установившиеся обычаи патронально-клиентарных отношений, смог организовать достаточно эффективную защиту своим единоверцам. Для этого изгнанникам-антитринитариям жаловались земли в вотчинных владениях, их продвигали на уряды в местном самоуправлении или просто брали под покровительство в качестве слуг. После изгнания раковян во владениях Немиричей объявились братья Стоинские, Самуэль Припковский, Александр Рупневский и другие. Еще раньше, в 1638 г., Юрий Немирич предоставил во владение Андрею Моршковскому и его жене Катерине Хриновской землю для основания слободы¹². Вероятно, Андрей Моршковский приходился родственником Крыштофу Моршковскому, министру антитринитарской общины в Гоще¹³, и министру в Ляховцах Петру Моршковскому¹⁴.

Крыштоф Стоинский, выходец из Люблинского воеводства¹⁵, антитринитарий, проповедник ляховецкой общины (1608–1612)¹⁶, потом гошанской (1613–1618)¹⁷, позже в Черняхове и Горошках, от Юрия Немирича держал часть села Мынийки¹⁸. Как обыватель Киевского воеводства Петр Стоинский засвидетельствовал завещание сочинянки Оршули Пересецкой¹⁹. Он также был проповедником черняховской общины в 1610–1649 гг. Вероятно, кто-то из родственников братьев Стоинских, Николай, упоминается как киевский войский в 1602 году²⁰. Он также владел небольшой земельной собственностью, которую впоследствии продал Родкевичам²¹, слугам Немиричей.

Еще один единоверец Юрия Немирича, находящийся под его протекцией, — выдающийся поэт и публицист Самуэль Припковский, бывший секретарь князя Криштофа Радзивилла (с 1621 г.). Возможно, впервые Самуэль Припковский столкнулся с Юрием Немиричем в 1638 году, когда в центре внимания находилось раковское дело. Он же написал подробный отчет об этом деле, протестуя таким образом против ущемления прав Братьев польских²². Ему же как слуге князя Криштофа Радзивилла было поручено передать письмо, адресованное великому гетману от Киселинского антитринитарского синода, в котором участники съезда просили о помощи и покровительстве²³.

Дальнейшие события разворачивались таким образом, что центр сочинянства в Речи Посполитой переместился из Ракова во владения Чапличей-Шпановских и Немиричей. Здесь нашли убежище изгнанники из владений Якуба Сененского. Вскоре умер патрон Самуэля Припковского, и он, считая более уместным свое пребывание под протекцией Юрия Немирича, переехал в Киевское воеводство²⁴, получив от нового

¹² ЦДІАК України. Ф. 11. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 336.

¹³ См.: *Kossowski A.* Op. cit. S. 247.

¹⁴ См.: *Ibid.* S. 252.

¹⁵ См.: *Litwin H.* Op. cit. S. 140.

¹⁶ См.: *Ibid.* S. 252.

¹⁷ См.: *Ibid.* S. 248.

¹⁸ ЦДІАК України. Ф. 11. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 226.

¹⁹ Там же. Спр. 7. Арк. 827–829 зв.

²⁰ *Urządnicy województwa Kijowskiego...* S. 69.

²¹ См.: *Litwin H.* Op. cit. S. 178.

²² См.: *Chmaj L.* *Samuel Przyppkowski na tle prądów religijnych XVII wieku.* Kraków; Warszawa, 1927. S. 32–33.

²³ См.: *Ibid.* S. 34.

²⁴ См.: *Ibid.* S. 37.

патрона в держание имение Топорища²⁵. Здесь он в 1643 г. даже удостоился чести быть «маршалком кола рыцарского», что означало его предводительство на поветовом сеймике, состоящем тогда преимущественно из его единоверцев, а значит, влияние на определение политики послов на вальный сейм от Житомирского повета.

Среди диссидентов, осевших в Киевском воеводстве, можно также упомянуть родственника Немиричей кальвиниста Яна Блендовского, занимавшего должность киевского войскового (1609–1621)²⁶; клиента того же Юрия Немирича кальвиниста Яроша Шемета, подкомория брацлавского; клиента Томаша Замойского кальвиниста Войцеха Рыльского, писаря гродского киевского (1632–1653) и войскового житомирского (1640–1648)²⁷; антитринитариев Казимирских и Пересецких.

Во владениях рода князей Заславских в местечке Пятке в 1640-х годах проживала София Коховская со своим зятем Людвигом Крупкою-Прецлавским, происходившем из кальвинистского малопольского рода, не одно поколение пребывающем в клиентарной связи с родом Зборовских²⁸.

Хорошо прослеживаются горизонтальные связи между клиентами патронов-протестантов. Очевидны случаи перехода представителей одних и тех же фамилий от одного патрона к другому, заключение браков между их клиентами, выступление в качестве свидетелей, поручителей и пр. Так, клиент Самуэля Горностая и Теофилии Горайской Войтех Хриновский наверняка приходился родственником уже упоминавшейся Катерине Хриновской, жене Андрея Моршковского. Павел Косовский, сын Катерины Казимирской, был слугой Стефана и Галшки Войнаровских. Последним служил также один из социниан Рупневских — Збигнев, а под покровительством Юрия Немирича находился Александр, который от него же держал часть села Забужичи²⁹.

Таким образом, социальная структура, сложившаяся в Киевском воеводстве, наложила свой отпечаток на пути, темпы и характер распространения на его территории протестантских идей. Патронально-клиентарная система, сформировавшаяся здесь, существенно повлияла на эти процессы. Слабость государства, следствием которой были ограниченные возможности контроля над разными сторонами жизни общества, в том числе и над его религиозными симпатиями, делала патронально-клиентарные связи более действенными в регулировании всех социальных процессов.

С одной стороны, региональная замкнутость шляхетской среды, сопротивляющаяся проникновению пришлых элементов, тормозила распространение протестантизма в Киевском воеводстве. С другой стороны, покровительство патронов, которое основывалось прежде всего на устоявшихся родственных или «приятельских» связях, давало возможность более или менее свободному распространению реформационных идей в отдельно взятых волостях. В случае же конверсии патрона складывались особо благоприятные обстоятельства для распространения протестантских идей. Тогда клиенты могли получать более действенное покровительство в делах веры. В этом случае также приглашались в имения протестантов проповедники и учреждались «сборы», что вывело развитие протестантизма в регионе на более высокий уровень. Такие центры,

²⁵ PSB. T. 29/2. Zesz. 121. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1986. S. 228.

²⁶ См.: Litwin H. Op. cit. S. 140, 206.

²⁷ См.: Ibid. S. 140.

²⁸ PSB. T. 25. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. S. 412–414.

²⁹ См.: Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст.: (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 261.

в свою очередь, притягивали к себе диссидентов как возможность применения сил и способностей или как убежище для изгнанников из других менее благополучных областей.

Наличие земельных владений магнатов-протестантов в различных воеводствах, а также переизбыток представителей нижних слоев шляхетского сословия в тех или иных регионах способствовали перетеканию протестантов из одной части страны в другую. Они проделывали сотни километров в поисках лучшей судьбы, обрстая новыми знакомствами и связями, и, осознанно или неосознанно, распространяли информацию о новой вере.